

Тереза Дурова

Фото из личного архива

В юности она дрессировала слонов, как и полагается наследнице знаменитой династии дрессировщиков. А потом судьба сделала неожиданный кульбит. Артистка цирка полюбила москвича-журналиста, ради не-

го оставила арену, получила профессию театрального режиссера и создала свой театр, который сегодня называется Театр Терезы Дуровой.

Основатели легендарной цирковой династии братья Владимир и Анатолий Дуровы наверняка гордились бы этой невысокой энергичной женщиной, приходящейся одному из них правнучкой, а другому — правнучатой племянницей. Потому что, пусть не на цирковой арене, но она продолжила прославлять фамилию. Кстати, Тереза считает, что все ее лидерские качества, ее упорство и сумасшедшее трудолюбие — наследственные.

— Тереза Ганнибаловна, вы рассказывали в одном интервью, что познакомились с будущим мужем Сергеем Абрамовым, когда он приехал брать интервью для журнала «Смена» у вашей мамы, знаменитой дрессировщицы Терезы Васильевны Дуровой. Номер с тем интервью сохранился?

— Конечно! И даже в двух экземплярах, один хранится дома, другой — в театре, в моем рабочем кабинете. Сколько же лет назад это было? Нашему сыну исполнилось 45, значит — 48 лет назад!

— Представляю, какой у вас должен быть семейный архив, семейный музей — с такой-то родословной!

— Ничего такого нет. Практически все мамины костюмы я отдала в воронежский музей Дуровых, что-то уехало в музей таганрогский. Удивляетесь, почему музеи в провинции? Понимаете, мой прадед и вся семья считали, что жить нужно в провин-

ции, а работать в столицах. И воспитывать детей нужно в провинции, поскольку там другой уклад, другое отношение к детям, там чтут традиции. На мой взгляд, очень правильная позиция. Впрочем, есть один музей и в Москве — при театре «Уголок бабушки Дурова». В общем, все, что у меня было, я отдала в музеи и сделала это с большим удовольствием, потому что там работают замечательные люди, которые очень трепетно относятся ко всему, имеющему отношение к семье. Удивительно, но они постоянно пополняют наши знания о нас самих, о наших корнях, так как обнаруживаются новые документы, возникают какие-то новые истории. Дело в том, что, когда семья такого порядка, вокруг ее представителей всегда накручивается много легенд, сплетен, слухов. Тем более что и Анатолий, и Владимир, наши родоначальники, уже тогда умели создавать свою популярность — без всякого Интернета! Более того, они, возможно, сами о себе рассказывали много каких-то, мож-

*Тереза Дурова,
мать Терезы Ганнибаловны Дуровой*

но сказать, «легенд». И здесь без профессионалов-музейщиков, умеющих работать с архивами, с документами, семье было бы тяжело понять, что истинно, а что нет.

— Вы ведь по сей день отдаете дань цирку, точнее, одному из цирковых жанров — клоунаде. В труппу театра приглашаете актеров, владеющих этим искусством. Да и сам театр первые годы назывался Театр клоунады, и в нем играли профессиональные клоуны. Интересно, каким было самое первое представление?

— Оно было сумасшедшим и называлось «Большая клоунская тусовка». Ведь труппа тогда сложилась из клоунов, приехавших со все-

го СССР на Московский международный фестиваль клоунады, мною организованный. У каждого участника были какие-то свои репризы, мы выбрали самые смешные, самые оригинальные и из них составили программу. То есть это был такой концертный вариант — много разных клоунов и разной клоунады. Мало кто знает, что в этом жанре существует целый букет направлений: есть «черная» клоунада, драматическая клоунада, детская клоунада, цирковая репризная клоунада, пантомима, есть разговорная клоунада, есть фрачники, есть буффон, есть музыкальные эксцентрики. И они все у нас были! Но я, к сожалению, не смогла доказать публике, что люди, которые выходят на сцену, это не клоуны, это актеры, которые владеют жанром клоунады. А к клоунам многие, увы, относятся с опаской. И это заставило подумать о переименовании театра. Но сначала надо было просто устоять, выжить. Неожиданно распался Советский Союз, настали трудные времена, и мои актеры разъехались по своим республикам, потому что надо было кормить семьи. В результате из тридцати человек у меня осталось семь. И вот с этой маленькой группкой мы начали делать уже театр репертуарный, но со спектаклями на основе клоунады.

— Прошло почти 30 лет. Кто-то из «первого призыва» в команде остался?

«Волшебная мельница Сампо»

— Конечно. Например, Игорь Калинин. Он был из группы акробатов, с которыми я работала как режиссер в цирковом училище. Но знакомы мы с еще более раннего времени: Игорь пришел ко мне на урок актерского мастерства в цирковое училище, когда ему было всего 13 лет. И вот тогда, в 1991-м, я попросила его помочь с фестивалем — в качестве администратора, и Игорь оказался незаменимым в этом качестве. Владимир Ананьев, второй режиссер, тоже с того времени. Я его пригласила, чтобы к фестивалю он подготовил моих клоунов по пластике, в итоге работаем вместе уже 28 лет. А поскольку мы оказались в этих стенах (в стенах Театра Терезы Дуровой), где до нас был Дом культуры, то со мной остались работавшие здесь и до нас художник по свету,

звукорежиссер, заведующая костюмерным цехом. И есть еще такой интересный человек — Надежда, которая занимается у нас цветами. Когда мы пришли сюда, она, биолог по образованию, вела в этом ДК «клуб цветоводов», занималась с детьми. Потом здание оказалось в руках людей, решивших сдавать помещение под аренду разным фирмам, и они Надю с ее «цветолюбями» выгнали. Вернее, предложили ей переквалифицироваться в уборщицы. Тогда она пришла ко мне: «Тереза Ганнибаловна, я сейчас перейду в уборщицы, а потом, когда здание полностью станет вашим, можно, я опять буду заниматься своим делом — разводит цветы? Обещаю — у нас здесь будет парк!» Мы ее безумно любим, все наши цветы в помещениях и посадки вокруг театра — это все Надя.

*«Волшебная
лампа
Аладдина»*

Фото
Владимира
Майорова

— Вы — и директор театра, и худрук, и главный режиссер. Столько ответственной работы — это не тяжело?

— Это правильно. Это отвечает моему характеру. Мы, Дуровы, все такие — берем на себя все самое ответственное. Та же ситуация была у Юрия Дурова, который руководит театром «Уголок дедушки Дурова», сменив на этом посту свою сводную сестру Наталью Дурову. Он пришел туда из цирка, потому что в цирке уже сложно было работать со слонами. В результате Юрий оказался прекрасным драматургом, очень хорошим режиссером и замечательным директором и худруком. То есть в «Уголке дедушки Дурова», как и в Театре Терезы Дуровой, — единоначалие!

— Прошлый год из-за пандемии был особенно трудным для всех театров страны. Как справлялись?

— Я помню время, когда мы не получали вообще никакой помощи, когда у меня не было ни спонсоров, ни помощников, никого. Театр был частный, и народу много — 67 актеров. Мы сложно... видите, я не говорю — тяжело, мы сложно, проблемно, но выживали. И весь этот инструментарий у меня остался в руках. Я знаю, что нужно делать, если вдруг по каким-то причинам все остановится. И мои сотрудники тоже знают, что будут делать, потому что они все это уже делали. И бухгалтер знает, что у нас всегда есть запас. То есть мы как белки — всегда запасаем что-то на черный

день. Вообще, я отношусь к категории людей, которые только тогда покупают автомобиль, когда знают, что есть гараж, есть деньги на бензин, есть права и так далее. Мне нравится планировать. Если мы делаем спектакль, я не думаю, где взять на него деньги, я начинаю думать о спектакле, когда нужная сумма у меня уже в кармане.

— Запасы — это хорошо, но ведь пришлось перестраивать всю работу?

— И мы достаточно быстро с этим справились. В первую очередь, нужно было обеспечить онлайн-общение со зрителями. Что не успели сделать в театре до карантина, делали дальше по квартирам. У меня как у директора театра был

пропуск для езды по Москве, и я развозила костюмы актерам, которые у себя дома снимали видео. Кто-то дома монтировал, кто-то дома писал сценарии. Поскольку за дело взялась такая команда — команда людей, безумно преданных общему делу, сомнений в успехе ни у кого не возникло. Наверное, у нас у всех были такие безумные глаза, что становилось ясно: эти — сделают. Другой вопрос, какими бессонными ночами, какими усилиями... И это позиция не только моя — так живет театр.

— Что скажете о труппе театра сегодня?

— Скажу, что она — одна из самых сильных московских театральных трупп. Наши актеры все из раз-

**«Японская
сказка»**

Фото
Владимира
Майорова

ных вузов — из ГИТИСа, из ВГИКа, из Щуки, в том числе, окончившие музыкальные факультеты — большая часть профессионально поют. Я к своим актерам очень требовательна, потому что, во-первых, зритель должен им верить, должен доверять тому, что они транслируют со сцены, во-вторых, никто не отменял слово «скучно». Моя задача как руководителя театра, в который приходят семьями, — удивлять! Мне надо удивить ребенка, маму, папу, бабушку с дедушкой. Ведь не только у людей разного возраста, но и разного пола — свои особые интересы, свои предпочтения. А когда они вместе приходят на спектакль, всех увлечь происходящим на сцене, у всех вызвать эмоции могут

только актеры «широкого диапазона» — прекрасно поющие, отлично двигающиеся, умеющие выполнять разные трюки... Поэтому наши артисты находятся в постоянном тренинге. Не все выдерживают, но те, кто у нас остается, они понимают, что нашли именно свой театр, что в любом другом им будет просто скучно.

— А чем же вы удивляете своих зрителей с их разными требованиями?

— Чудо-костюмами, в которых выходят актеры. Чудо-музыкой, которая звучит на сцене. Чудо-декорациями, которые у нас освещаются чудо-светом... Вот мы с нашим художником обе не любим экраны на

сцене, потому что у театра столько возможностей, столько средств, о которых просто все забыли! А экран — это чужое. Вы спрашиваете, когда зритель удивляется? Когда вдруг в пространстве театра возникает что-то, чего он никак не ожидал увидеть или услышать! Например, если по ходу пьесы должен пойти дождь, в нашем театре он идет настоящий, не на экране! Одним словом, у нас есть свой инструментарий, которым умеют пользоваться наши замечательные мастера, наши художники. И мы все — команда, создающая спектакли. Мы понимаем, что роскошные костюмы должны быть в декорациях, для которых они сделаны, а актер должен входить в пространство, понимая, что он не кук-

ла ряженная, что он должен быть адекватен и костюму, и декорациям. И драматургия должна соответствовать, и музыка, и все остальные составные части. И я понимаю, что несу большую ответственность перед всей командой, потому что стою у руля. В этой команде каждый — бриллиант, и я как режиссер должна сделать так, чтобы из этих бриллиантов всегда получалось красивое ожерелье.

— В репертуаре Театра Терезы Дуровой много «этники». Как происходит выбор материала?

— Всегда по-разному. Например, интересная была история с «Калевалой». Обратив внимание на этот карело-финский эпос посоветовал

наш музыкальный руководитель Максим Гуткин. Я ответила: надо подумать. Утром звонит Артем, мой сын и наш драматург: «Мать, я вчера вечером читал детям "Калевалу", им очень понравилось, несмотря на то, что это сложная вещь. Как ты насчет "Калевалы"?» Тут приходит Виктория Севрюкова, художник по костюмам: «Нам бы что-нибудь такое, такое... "Калевалу", что ли?» Я в ответ рассмеялась: «Вы меня просто окружили этой "Калевалой"!» Открыла я эту книгу и просто испугалась — бездонная вещь! Но мы взялись. Максим даже специально съездил в Карелию, чтобы послушаться карельской музыки, познакомиться с инструментами. Надо сказать, что мы в каждом спектакле пытаемся петь на языке того народа, о котором рассказываем, поэтому всегда приглашаем носителя такого языка, умеющего в том числе на нем петь, потому что правильное воспроизведение звуков — это тоже не просто. Сейчас, например, мы готовим спектакль о Шотландии. Выяснили, что в Москве есть Шотландский клуб, есть люди, которые умеют исполнять шотландские танцы, играть на волынках. Мы с ними всеми уже познакомились. Кроме того, мы учимся стрелять из шотландских луков. Нам их подобрали такие, чтобы соответствовали эпохам, о которых мы в спектакле рассказываем. А у нас там — от четвертого века до девятнадцатого.

— О чем будет спектакль? Имею в виду не сюжет, а, может быть, идею...

— Мы будем разговаривать с нашими семьями и нашими детьми о том, что, если ребенок думает, что он не из этого времени, родителям не надо бояться. Это не порок, не болезнь — такое случается! И не надо подходить к такому ребенку с мерками сегодняшнего дня, если он хочет жить по правилам того — своего времени. А еще поговорим о предательстве, о терпении, о понимании, о преодолении страха и о том, что нельзя вешать ярлыки на человека просто так, из своей прихоти. Такие темы нас волнуют. А во все не «модные» — про мальчика, вдруг решившего, что он на самом деле девочка, и наоборот. Это нам совсем не интересно.

— Что дает вам силы на то, чтобы почти три десятка лет стоять у руля корабля под названием Театр Терезы Дуровой?

— Вы знаете, у меня всегда было ощущение, что я выполняю в жизни конкретное предназначение, и оно — созданный мной театр. А как только человек начинает понимать свое предназначение, так сразу начинает себя чувствовать хорошо, правильно себя осознавать — и тогда на все хватает и сил, и терпения, и любви, и желания идти дальше. □

Беседовала **Марина Бойкова**